

Архив

В СЕ ГРОМЧЕ стонет человек, измученный безжалостными пытками суровых дней; слышишь его стоны и бесплодно мучаешься, не зная — как помочь?

Стонет уже не тот русский человек, который и раньше всегда любил жаловаться, ничего, кроме этого, не умея делать; этот человек теперь истерически и злорадно ликует, ибо оправдались самые печальные, самые мрачные предчувствия его зоологического пессимизма, он торжествует, ежедневно и ежедневно восклицая:

— Ага, что — не правду я говорил? Ага, разве я не предвидел это?

Это человек, который при всех и всяческих условиях будет дурно жить, ибо он сам не имеет вкуса к хорошему, в нем самом нет стремления к поискам или к созданию лучшего.

Но теперь начинают стонать люди, которые еще недавно находили в себе достаточно сил для сопротивления древним злым началам жизни, для упрямой борьбы с ними, и таких людей становится все больше. Вот письмо одного из них, наиболее точно характеризующее настроение таких людей:

«Я всегда была крайне левой, сочувствовала большевикам, социализм был моей религией. А теперь... Вы вот пишете, что надо верить в будущее, надо верить в человека. У меня же в душе умирает вера. Противники социализма всегда говорили, что жизнь есть борьба, побеждает сильнейший, и не один, так другие будут наверху — только роли переменятся, результат останется тот же. И теперь мне кажется, что это так и есть. Разве теперь есть хоть намеки на равенство? Та же игра честолюбий, то же стремление урвать от общественного пирога и то же... неравенство.

Помните рассказ Андреява, называется он, кажется, «Бездна»? Девушка и юноша, который любит ее чистой и нежной любовью, гуляют за городом, в пустынном месте. На них нападают несколько человек хулиганов и, оглушив юношу ударом, тащат девушку в лес и насилуют ее поочередно. Когда юноша, очнувшись после обморока, находит бесчувственную девушку, брошенную хулиганами после «зверинного пира», то... он тоже насилует ее. Раньше я этот рассказ находила нежизненным, неправдоподобным, ужасным. Он представлялся мне плевком в лицо человечества. А теперь судьбу этой девушки я невольно отождествляю с судьбой России и вижу, что насилуют ее не только мерзавцы, а и те, которые любили ее чисто и свято. И все действуют, как и тот юноша в рассказе, под влиянием проснувшихся темных инстинктов, поддавшись психической заразе и оправдывая себя мыслью, что уже все равно — «не мы начали, а надо урвать свое».

Как у нас вообще пала нравственность, какой сдвиг хотя бы в смысле самой примитивной честности! В начале войны каким позором было слово «мародер». А теперь кто не наживается на народном голоде. Люди с высшим образованием занимаются покупкой и перепродажей съестных продуктов, и никто этого не скрывает. Той же самой спекуляцией занимаются чиновники и рабочие. Никто не возвышает больше голоса против мародерства, это слово потеряло свое позорное значение. Наоборот, всякий старается не выдать этих людей, и все у них заискивают. Если кто и пишет на них доносы, то только завистники и неудачники, которым такие спекуляции не удались самим, по недостатку ли денег, или умения. Со спекулянтами все стараются поддерживать хорошие отношения и, платя им большие деньги, еще благодарят их, как в прежнее время благодарили работодателя, хотя бы они и эксплуатировали труд. Я вот Вам пишу это — наболевшее, — но я ни за что не решусь под этим письмом подписать свою настоящую фамилию, а прикроюсь вымышленным именем из трусости, потому что я тоже иногда покупаю у спекулянтов — ведь на восьмушку хлеба сыт не будешь. И мне приходится платить по 10 руб. за фунт черного хлеба и по 20 руб. за фунт масла, но я рада-радешенька, когда хоть за такие цены достаю чего-нибудь, и я стараюсь не выдать тех, у кого покупаю. И хотя мне очень трудно платить так дорого, так как я живу на жалованье в 400 руб. в месяц, но ведь если от голода заболело, то на службе держать не будут, и из двух зол приходится выбирать наименьшее. Мародеры — это теперь наши «кормильцы», и все петроградские граждане без них пропали бы от голода. Что об этом думают стоящие у власти, интересно знать? Ведь на то, что мы получаем по карточкам в месяц, едва ли можно прожить и неделю.

Как раньше одни группы населения пользовались различными привилегиями, так и теперь, только теперь центр тяжести переместился. Есть и теперь счастливые, находящиеся на особом положении и твердо держащиеся за свои преимущества: красноармейцы, железнодорожники получают усиленный паек. Все объясняют это тем, что советская власть боится и тех, и других. Не то же самое

было и в старину, до «социализма» в кавычках

До «социализма» считалось позорным, когда работодатель издевался над тем, кто волею судеб обречен был служить ему. Теперь же громкогласно, с трибуны, со столбцов газет, облетающих всю страну, измываются над людьми, которых приглашают к себе на службу. Тех офицеров, которые идут служить в кр^васные^в армии, Володарский называет «хамами, готовыми служить всякой власти» («Рабочая» и Крест-^вьянская» Красная Армия и Флот», № 69 (114) от 24 апреля 1918 г.). Кто же после такого заявления пойдет служить, кроме «самых отчаянных»? И чего же ждать от этих «самых отчаянных»? Ведь такими публичными оскорблениями советская власть точно нарочно флиртует людей, чтобы ненароком не попал к ним порядочный человек.

Когда я прочитала в газетах, что рабочие отказываются от усиленного пайка на счет голо-

А какая ненависть и раздражение кругом. Как трудно сохранить хотя бы только спокойствие, как тяжело стало жить. Где выход и спасение?»

Трудно отвечать на такие искренние, кровью сердца написанные письма, боясь задеть неосторожным или неудачным словом изболевшую душу незнакомого, но родного по чувству человека. Сам знаешь по себе, иногда чувствуешь, как много тяжелой и угнетающей логики в этом безнадежном настроении, и сам нередко поддаешься ему, забывая обо всем, а — главное — о том, как бессильна, безжизненна эта логика, когда ей противопоставишь железную логику исторического процесса.

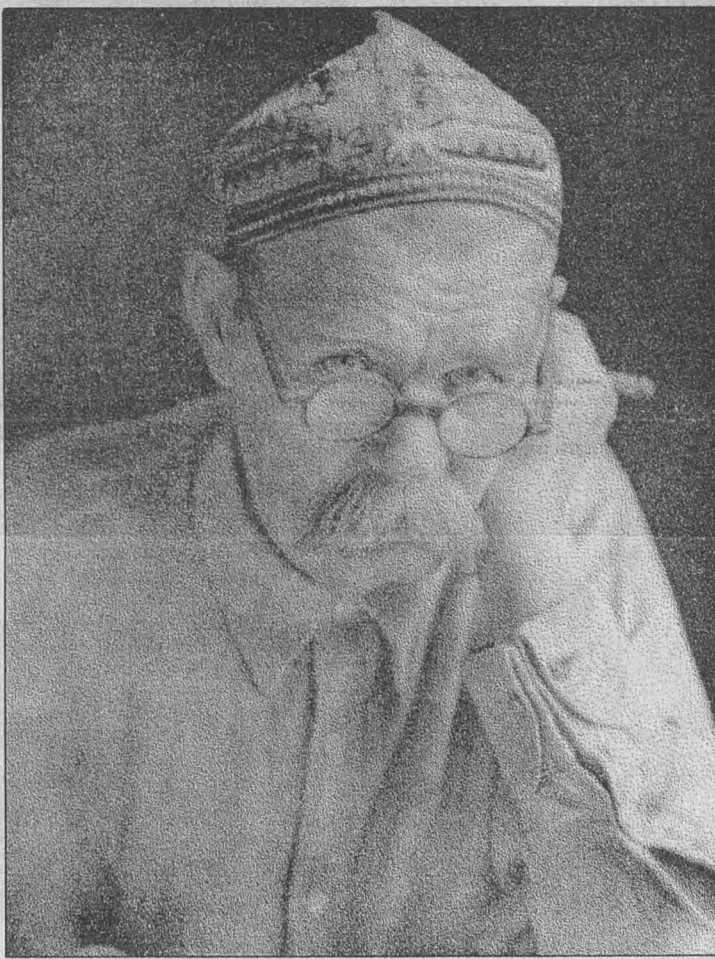
Да, конечно, «все поставлены в такое положение, что должны поступать незаконно», но мне кажется, что в этом отвратительном положении находятся не только те, кого мучают, но и те, кто мучает, с тою разницею, что одни стремятся выйти из этого позорного положения,

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Независимая газ. — 1933 — 25 марта. — С. 5.

На протяжении всей своей творческой жизни Горький активно занимался публицистикой: непрестанно, неустанно, из года в год, а в иные периоды — изо дня в день. Его наследие в этой области огромно, до сих пор даже до конца еще не собрано. В этом то и дело убеждаешься, когда время от времени открываются новые произведения писателя в этом жанре. Вот и еще нашлась публикуемая здесь затерявшаяся в старых газетных подшивках неизвестная статья Горького из его публицистического цикла, печатавшегося в 1917—1918 гг. в газете «Новая жизнь» под общим названием «Несвоевременные мысли».

«Апогеем человека» назвал деятельность Горького эпохи Октябрьской революции замечательный философ и историк Георгий Федотов еще в 1936 г., в эмиграции, откликаясь на смерть писателя. «Никто не вправе забывать того, — писал он, — что сделал в эти годы Горький для России и для интеллигенции».



А. М. Горький. Сорренто. 1930 г.

дающего населения, то это была единственная светлая точка в настоящем мраке и одичании. И повело от этого чем-то давным-давно забытым. Но — увя — знакомые меня «успокаивали» — это, мол, только часть, малая часть рабочих вынесла резолюции, а остальные... «кто же себе враг»?

Как жить в таком мраке, за что уцепиться, на что опереться? Вы вот писали, что женщинам надо вносить мягкость и терпимость, стараться смягчить наши звериные нравы. Откуда взять сил на такую бы то ни было культурную работу? Ведь раньше для нас, пролетариев, была борьба за существование только в смысле труда. Теперь же кроме ежедневного обязательного труда есть еще огромный и тоже ежедневный труд в добычании себе пищи. Сколько надо ухищрений, расчетов, беготни, стояния в очередях, чтобы «промыслить» себе пищу на текущий день, а на завтра надо начинать сызнова. Воистину, мы теперь с такими усилиями добываем себе пищу, как пещерные люди, — другими способами, конечно, не камнями и палицей, но мы так же не обеспечены и так же должны прибегать к различным хитростям и изворотливости. Разница только в том, что у пещерного человека этим и ограничивалась борьба за существование, а у нас кроме этого есть еще и служба или вообще работа по добычанию денег.

Единственно на что еще мы способны, т.е. я и подобные мне, — не делать зла, да ведь это не положительная величина, это так мало. Да и тут не совсем гладко. Я вот покупаю иногда продукты у спекулянтов, а это ведь запрещено, это незаконно. Но иначе я бы умерла с голоду... И так делают все. Все поставлены в такое положение, что должны поступать незаконно, кроме некоторых «привилегированных»... Но и привилегированность этих последних — несправедлива по отношению к остальным... Получается заколдованный круг, из которого нет выхода.

другие — не знают, не чувствуют выхода, не ищут его. Это положение позорно, оно искажает людей, но ведь мы издревле «незаконно» живем, а теперь — в эти дни — «незаконность» всей нашей жизни только обнажилась до самой глубины и показывает нам в безотрадном зеркале текущих дней весь ужас «незаконного» бытия. Это от разума? Нет, это все из той же действительности, которую мы унаследовали от прошлого, которая неизбежна для настоящего и нежелательна для будущего. «Мелочи жизни» унизили, но я не знаю времени, когда они были лучше, чем есть. И не надо забывать, что так, как теперь маемся мы в поисках пищи, — всегда маялось большинство людей.

Что и говорить — жизнь мучительна, но от нее никуда не спрячешься, но надо же расплачиваться за грехи прошлого, распутать или уничтожить путаницу внутри и вне человека. Несомненно, что трагедия, переживаемая русским народом и русским человеком, — неизбежное явление общемирового процесса и подготовлена всеми усилиями исторического развития России. Мы долго показывали западноевропейскому миру, как не надо жить, вот мы захотели показать, как надо жить.

Показываем неудачно, но во всем, что совершается у нас, есть одно, неизведанное нами и объективно ценное: вся Русь, до самых глубин ее, потрясена стихийными толчками и даже как государство — временно — разрушена, но нужно верить, что этот толчок, эта катастрофа, обновившая все наши недуги и уродства, излечит нас, оздоровит, возродит к труду и творчеству.

Я знаю — эти соображения, это верование не многих утешит, но это единственное верование, дающее жизни ясный смысл.

«Новая жизнь», № 12 (московское издание), 2/15 июня 1918 г. Публикация И. ВАЙНБЕРГА.